

Звёздная гостиная

Надеюсь, именно такой знает и любит Светлану Крючкову и наш зритель, именно такой мы ее услышали и увидели на сцене Всеволожского Дома культуры. Любимая актриса открывала традиционную Всеволожскую театральную весну, и в зале яблоку негде было упасть. Это был потрясающий монолог о театре, о жизни, времени и о судьбе, превратившийся в диалог. Зал аплодисментами встречал отрывки из театральных работ и песни из спектаклей и кинофильмов, и сегодня на страницах нашей газеты – лишь отрывки из диалога с залом для тех, кто не смог быть на этом празднике.

Как я поступала «на актрису»

Звезда самой Светланы Крючковой зажглась с роли Нелли Ледневой из кинофильма «Большая перемена». Песню из этого кинофильма она поет на любой встрече со зрителями. Незамысловатая песенка о том, как «часто простое кажется вздорным, черное – белым, белое – черным», давным-давно покорила зрителей, как и девушка Нелли, исполнившая ее в кино почти сорок лет назад...

Крючкова: ...Но давайте уж будем говорить о театре, потому что прежде всего я театральная актриса. И здесь собрались люди, которые любят театр. Я, кстати, поступала три года в театральное училище, и три года меня не брали. Тысячи людей идут, тысячи! Начинают читать: «Вороне где-то бог послал кусочек сыра»... И не запоминаются, и не поступают, потому что это читают все...

Я в первый год поступала в Щепкинское училище, второй – в Щукинское, а конкурс тогда был 240 человек на место – в основном девочки. И я за эти три года так намучилась! Я потеряла веру в справедливость, была уверена, что принимают исключительно по блату, что даже решила ехать поступать в Саратовское Театральное, – кстати, там много хороших людей училось, в том числе Олег Павлович Табаков. Получила даже из Саратова приглашение, у меня это письмо до сих пор в архиве хранится... Но как все дороги ведут в Рим, так путь в Саратов лежал через Москву. И я думаю, а дай-ка я в последний раз попробую! Попробую теперь поступить в школу-студию МХАТ, чтобы просто знать: я сделала все, что могла, и с чистой совестью уехала учиться в Саратов.

И я пришла в школу-студию МХАТ, отсидела там у стеночки с 9 утра до 9 вечера, потому что там такая система: 10 человек заходят и садятся вдоль стеночки. Педагог, а тогда Герасимов был, и старшекурсники сидят, принимают. Ухаживаются!.. Потому что вы не представляете, чего только не бывает при приеме. Но я уже знала главное: надо запомниться! Непременно запомниться! И еще три вещи важны: темперамент, заразительность, обаяние. Перед каждым преподавателем лежит такой вот листочек, на котором типографским способом отпечатаны вот эти характеристики, столь важные для будущего актера. Я, три года поступаю, это все уже знала. И вот объявляют: «Крючкова!»

Аудитория маленькая, а я выскакиваю на середину, и начинаю выкрикивать стихи, что-то вроде: «Баре, баре! Двери хлоп!» Мне: «ТИХО! Тихо, что вы так громко...орете?» А я: «Как ору?! Это темперамент!». А Герасимов говорит: «Не надо так орать, и вообще вы неправильно читаете!». И вдруг такая обидная страшная во мне поднялась и я вспомнила все свои чудовищно голодные дни и недели, и месяцы, когда булочка за семь копеек казалась истинным счастьем, когда стакан чая был несбыточной мечтой, даже без сахара! А если еще и с сахаром, да кусок хлеба, да не прогонят с этой удобной скамейки, на которой можно немножко подремать!.. А еще это кошмар моей жизни – завод имени Лихачева, где я работала слесарем-сборщиком карданных валов! Это был такой огромный поднос с подшипниками, залитыми маслом, который я просто не в силах была поднять, хотя девушка была не хрупкого сложения. Мне приходилось отрывать ноги от земли, чтобы всей тяжестью своего тела опуститься на этот шуруповерт, чтобы он, наконец, опустился и достиг этой гайки. Это был ужас!..

И вот это все мне вдруг вспомнилось, и в том числе мое прошлогоднее поступление в Щукинское театральное училище, где я уже прошла три тура, и на моих глазах были приняты все дети известных родителей, а меня с четвертого тура... забраковали! И я разрыдалась перед этой приемной комиссией МХАТа, слезы полились у меня рекой, я встала в позу и сказала: «Я знаю, как надо читать, я знаю, когда

Из множества высказываний критиков, коллег и просто зрителей о народной артистке России Светлане Крючковой наиболее точными представляются слова Николая Фоменко: «Есть актрисы разные. Есть талантливые. Есть одаренные. Есть профессиональные, а есть просто Светлана Крючкова. За многие годы творчества с ней случилась только одна большая перемена, а в остальном она никогда не менялась. Всегда оставалась потрясающе красива и гениальна. Гениальная в женитьбе... Незаменимая в родне... Царственная в охоте... Непринужденная в кураже... И вечно молодая «старая кляча»... Мало того что она восхитительная актриса, она необыкновенная женщина, сильный человек и нежная мать».

Планета по имени Светлана Крючкова

вы принимаете в ваши московские театральные училища! И я правду говорю, и меня папа учил всегда правду говорить! (а папа у меня военный, человек очень жестких принципов). Говорю все это, а про себя думаю: «Ну и пусть не поступлю, но хотя бы правду им всю скажу!»

И вдруг Герасимов говорит: «Дайте этой истеричке воды». Воды дали... Говорит: «Читай Куприна». Я стала читать Куприна, а слезы продолжают течь, я их смахиваю так рукой... а отрывок я там такой выбрала... Если вы помните «Олесью» Куприна, как она приходит в церковь, ради любимого, а когда она выходит из церкви, ее начинают избивать и всячески оскорблять. И там такой текст: «Отбежав шагов на пятьдесят, Олесья остановилась, повернула к толпе свое исцарапанное, окровавленное лицо, и крикнула так громко, что каждое ее слово было хорошо слышно на площади: «Ну хорошо же! Вы у меня еще это вспомните! Вы у меня наплачетесь! Все досыта!» И я все это сказала на одном дыхании, еще не зная тогда, что конкретность – одно из самых ценных качеств актерских.

И должна сказать, что меня, конечно, взяли в школу-студию МХАТ. И должна сказать, что они со мной-таки наплакались. Потому что на протяжении двух лет я была постоянный борец за правду, и если мне что-то казалось несправедливым, я это говорила вслух. А чтобы что-то сказать, я должна была встать, покраснеть, а я довольно долго краснела, лет эдак до 45-ти, я могла отказаться делать упражнение, если оно мне казалось бессмысленным, выскочить из аудитории. Ну а в конце второго курса меня вызвал декан и сказал противным голосом (копирует его голос): «Ну, что, девочка моя, будем учиться или будем лечиться, или – характер менять?»...Пришлось менять характер, потому что учиться очень хотелось и было очень интересно учиться.

Великий театр эпохи Товстоногова

...Итак, я заканчивала четвертый курс, и уже снималась в «Большой перемене», где я сыграла Нелли Ледневу. В мае я защищаю диплом, и меня сразу приглашают пять московских театров: «Современник», Театр имени Ленинского комсомола, Театр Маяковского, Театр Станиславского и Московский Художественный театр. Вот ужас-то! Такое было только у Натальи Гундаревой и Татьяны Дорониной. Это, знаете, как пять женихов – один другого лучше,

предлагают тебе руку и сердце, и не знаешь, кому отдать свое сердце. Но я все-таки выбрала МХАТ. Во МХАТе я успела поработать с Романом Виктюком, который ставил свой первый спектакль в Москве – «Муж и жена снимут комнату». Затем знаменитый Анатолий Васильев ставил свой первый спектакль на большой сцене, и внутри этого спектакля был «Пир во время чумы» Пушкина, я играла в этом маленьком спектакле не темпераментную Луизу, а Мэри, нежную Мэри. Еще во МХАТе я успела поработать с легендарным Анатолием Эфросом.

А потом, благодаря одному кинофильму «Старший брат», где играли Евгений Леонов, Коля Караченцов и Миша Боярский, в моей судьбе произошла очередная большая перемена... Это был 75-й год, и мы снимались в «Старшем брате», и я влюбилась без памяти в оператора Юрия Векслера, все бросила в Москве, мне Олег Ефремов только сказал: «Ты что, с ума сошла?!» Я говорю ему: «Я влюбилась...» Он – в кого? – Я говорю: «В Юру Векслера». Ефремов подумал, и говорит: «Тогда поезжай! А он с Векслером работал в кинофильме «Три тополя на Плющихе».

Так я оказалась в Ленинграде, без работы, без жилья...Но с любимым человеком... И кто-то сказал Георгию Александровичу Товстоногову: «Приехала из Москвы молодая и талантливая актриса», и он пожелал на меня посмотреть... Он говорит: «Давайте мы с вами так договоримся: вот сейчас Сережа Юрский ставит спектакль, и вы там будете играть школьницу». Я встала и говорю: «Посмотрите на меня, Георгий Александрович, какая из меня школьница?» Я тогда, конечно, была уже, но кость-то – широкая, плечи широкие. У меня и мама, и бабушка были поморки. Товстоногов: «Нэт, вы не похожи на школьницу, но именно такая мне и нужна!». Знаете, как я решила вопрос возраста? Я играла совершенно без грима. Ненакрашенная! И мои белесые ресницы лет десять мне убавили, сделали такой... хорошо развитой акселераткой. Но все-таки школьницей. Догадываетесь, какой это спектакль? «Фантазии Фарятьева»... Я играла там младшую сестру главной героини...

И ещё о «мамаше Кураж и её детях»...

...Одна из последних, любимых мною работ в БДТ имени Г.А. Товстоногова – «Мамаша Кураж и ее дети» по пьесе Бертольда Брехта. Признаться, не очень я люблю Брехта и ничего я не собиралась играть в этом спектакле. Мне ничего «не светило», так как мамашу Кураж играли, как правило, актрисы такие маленькие, хрупкие, жалконькие – ну, понятно, что такой не место на войне, и война такую женщину перемелет и сотрет в порошок. А ставил в БДТ этот спектакль московский режиссер Сергей Иванович Яшин, мы с ним не дружили, и я, повторяю, ничего не ждала...

Знаю, что Оля Волкова очень хотела сыграть эту роль, вроде бы хотела Алиса Бруновна Фрейндлих, Валентина Павловна Ковель... А я ничего не ждала. Спокойно хожу, даже не смотрю на распределения... и вдруг: «Света, тебе роль дали!» – «Да, а какую?» – «Главную!»

Мне Яшин потом сказал: «А вы мне приснились... Вот именно такая ренессансная женщина. Красивая и сильная. (Ну, если учитывать, что это было 14 лет назад, то ...) Понятно, что хрупкую и заведомо слабую женщину война сомнет... А когда выходилась ты, способная рожать и любить, уверенная, сильная, знающая, и когда тебя раз за разом это «колесо войны» перема-

ливает – вот это страшно!.. По-настоящему...».

А как он потрясающе решил финал пьесы! И никогда не видела, чтобы такое было сделано в театре. Помните, по пьесе у мамы Кураж один за одним погибают дети, их забирает война. Она ведь маркитантка, которая ездит по полям войны, собирая свою жатву, свою денежку. И формула существования такая: «А это меня не касается!». Она поет: «Коль торговать, так все равно – свинцом или сыром торговать!». А солдату что надо, – рассуждает она: «Выпить, потом поесть, потом одеться».

Но погибает один ребенок, убивают второго ребенка, и в конце спектакля на ее руках лежит единственная оставшаяся в живых дочь. И она умирает у нее на руках. Так вот, финальную сцену Яшин решил совершенно потрясающе! Как? – я до сих пор не могу понять, для меня это тайной осталось. Вот у меня на руках лежит умирающая девочка... И вдруг начинает звучать музыка, которая была и в самом начале, та же тема, – когда я молода, полна сил, и живы все мои дети, и я пела: «И командир даст знак привала, своих солдат побереги! Но в мой фургон пусть для начала придет и сменит сапоги!». – И шла эта музыка, и я вставала, оглядывалась, а там, на заднем плане сцены, открывались огромные ворота, и оттуда выходили мои дети – живые и здоровые, и как в самом начале спектакля, они бегали, они играли, смеялись. Они были живы и здоровы... и я начинала их ловить, а они проскальзывали у меня сквозь руки, и я никак не могла их поймать! И уходили, уходили к этим воротам... Я бежала к этим воротам, а они захлопывались передо мной, и я билась в отчаянии перед ними, но все было напрасно.

На глазах зрителей уходило целое военное поколение. Самое молодое, которое должно было жить, любить, рожать детей. И я падала на колени, и я пела песню, на тот же, начальный мотив, но с другими словами: «Война удачи переменной сто лет продержится вполне. Хотя человек обыкновенный не видит радости в войне. Он жрет дерьмо, одет он худо, он палачам своим смешон, но он надеется на чудо, пока поход не завершён. И христиане, христиане, спят мертвецы в могильной мгле. Вставайте, всем пора в поход, тем, кто еще дышит на земле...». Брехт потому и классик на все времена, потому что он говорит о вечном на все века и времена: о войне и мире, о ненависти и любви, о счастье обретений и горе потерь... И все-все, что происходит в этом мире, поверьте, касается и нас...

И не будем забывать, как говорил Николай Васильевич Гоголь: «Театр – это кафедра, с которой много можно сказать миру добра». И еще есть замечательная фраза: «Зло, которое окружает нас, один человек исправить не может. Но он может передать страдания, он может будить Совесть». Кстати, показывали в те дни много интервью с Люсей Гурченко, и она говорила о Совесть. Забытое слово, да?.. А у Булата Шалвовича Окуджавы помните, есть такая песенка? «Совесть, Благородство, Достоинство – вот оно, святое наше воинство, протяни ему свою ладонь, за него не страшно и в огонь. Лик его высок и удивителен, посвяти ему хоть целый век. Может быть, не станешь победителем, но зато умрешь как человек»...

На этом позвольте мне откланяться и пожелать вам всем удачи и здоровья. Обещаю, что приеду к вам еще, вы мне очень понравились...

Зал проводил народную артистку России Светлану Крючкову бурными аплодисментами.

Подготовила Татьяна ТРУБАЧЕВА